

1

Малютка Эстелла сдержала свое обещание, и на следующее утро Мария проснулась от поцелуя в щеку, легкого, как прикосновение крыла бабочки, и, открыв глаза, увидела то, что в первый момент приняла за лицо ангела. Потом она узнала это лицо и улыбнулась.

— Малютка Мама, — сказала она.

Эстелла рассмеялась:

— За мою жизнь меня называли многими именами, но это лучшее из всех. Вставай скорее, Мария. Сегодня утром у тебя много дел.

Мария мгновенно выпрыгнула из кровати, так что Виггинса, который по обыкновению лежал у нее в ногах, с силой подбросило в воздух; собачка приземлилась на пол плашмя, упав на спинку не в слишком хорошем расположении духа. Так он лежал, сердито ворча, болтая всеми четырьмя лапками в воздухе, пока Эстелла не взяла из коробки на камине сахарный бисквит и не положила ему на брюшко. Тогда он мгновенно перевернулся, съел бисквит и утешился.

— Ты точно знаешь, где лежат бисквиты, Малютка Мама, — сказала Мария, умываясь в серебряном тазике. — Тебе тоже все готовил Мармадюк Алли, когда ты была девочкой и спала в этой комнате?

Малютка Эстелла застыла в изумлении, так и не вынув из комода костюм для верховой езды.

— А почему ты думаешь, что я спала здесь, когда была девочкой?

— Я просто догадалась, — сказала Мария, надевая нижнюю юбку. — А кроме того, где ты еще могла спать? Сэр Бенджамин и его мать занимали комнаты в верхней башне. Твоя гувернантка Эльспет жила в большой спальне, в той самой, где теперь мисс Гелиотроп. А где ты проводила больше времени? Здесь или в гостиной? А где ты шила свое подвенечное платье? И жилет сэра Бенджамина?

— Мария! — в ужасе воскликнула Эстелла. — Тебе кто-то про меня рассказывал?

— Нет. Я просто сложила вместе два плюс два.

— Твое знание арифметики, Мария, меня пугает.

— У меня есть чутье, — сказала Мария, ласково беря костюм из рук Эстеллы и надевая его, — и сдается мне, что я первая из Мерривезеров обладаю чутьем. Я унаследовала его от моей матери, потому что у моего отца его не было. Похоже, что и у тебя, и у сэра Бенджамина чутья нет и в помине, иначе бы вы не поссорились. А почему вы поссорились?

— Это слишком долгая история, чтобы ее сейчас рассказывать, — поспешно заявила Эстелла.

— У тебя будет уйма времени на рассказ, пока мы дойдем до деревни через парк, — сказала Мария. — Малютка Мама, ты должна мне рассказать. Любящие матери и дочери не имеют секретов друг от друга.

Малютка Эстелла не отвечала. Она подала Марии шляпку с перышком, накинула на плечи свою серую шаль, проскользнула через маленькую дверь, подходящую по размеру Лунным Девам и карликам, и в сопровождении Виггинса они спустились вниз.

В зале их уже ждали Рольв и Тишайка, и — что самое удивительное — Захария.

— Захария пойдет с нами? — в изумлении спросила Мария. — Я думала, он никогда ни с кем не ходит.

— Это великий момент в истории Лунной Долины, — объяснила Эстелла. — И потому все звери, особо интересующиеся этим делом, собрались вокруг тебя. Барвинок ждет снаружи. Я оседлала его для тебя. Робин в церкви с остальными детьми.

Они вышли и спустились по ступеням. Барвинок терпеливо стоял у камня, с которого удобно было садиться на лошадь.

— Ты поедешь на Барвинке, а я на Рольве, — сказала Мария. — Не важно, что ты не в костюме для верховой езды. Он пойдет очень тихо.

— Я это знаю, — мягко сказала Эстелла, умело вскакивая на пони. — Мой дорогой Барвинок.

Барвинок негромко и радостно заржал, а потом с любовью посмотрел на Марию, чтобы та не почувствовала ревности.

— Похоже, у Мерривезеров животные живут много лет, — сказала Мария, сев на Рольва и ухватившись за шерсть на загривке.

— Они знают, что нужны, — ответила Эстелла.

— Да, у них есть чутье, — задумчиво произнесла Мария. Она все лучше и лучше понимала — опека и защита зверей совершенно необходимы полностью лишенным чутья Мерривезерам.

Было так рано, что луна, как лампа, еще висела в небе над кедром, и в небе слабо виднелись звезды. Но на востоке, за Райским Холмом, уже разгоралась розовая заря, а на западе, над морем, чистым золотом светилась гряда жемчужно-серых облаков. Времени было предостаточно, и две Лунные Девы медленно скакали под деревьями по поросшей мхом дороге. Ударяясь о мох, копыта Барвинка не издавали ни звука, а Рольв всегда скакал совершенно бесшумно. Тишайка, Захария и Виггинс бежали позади, переговариваясь друг с другом, но так тихо, что их беседа была почти не слышна. Это был момент особой тишины, самый подходящий для рассказа.

— Ну, давай, Малютка Мама, — сказала Мария.

— Как и ты, я не родилась в Лунной Усадьбе, — начала Эстелла. — Я родилась в Корнуолле, где море ревет у огромных скалистых утесов, где растут самые прекрасные герани в мире. Я прожила там десять лет, а потом умерли мои родители, и я приехала в Лунную Усадьбу со своей гувернанткой Эльспет на попечение жены моего дяди леди Летиции Мерривезер, матери сэра Бенджамина.

Она очень рано овдовела, но эта способная женщина хорошо воспитала своего сына и так умело вела хозяйство, что Лунная Долина процветала под ее управлением. Она была резкой и суровой, и я ее не любила, хотя уверена, она делала что могла для маленькой нищей сироты, которой я была, когда приехала в Лунную Долину. Мне ничего в мире не принадлежало, кроме той одежды, которая была на мне, и десяти цветочных горшков с отростками герани, той самой знаменитой розовой герани, гордости Корнуолла.

— Так вот почему в твоём доме столько герани, — проворчала Мария.

— Да, — ответила Эстелла, — те, что в моём доме, и те, что в доме у Старого Пастора, это потомки тех десяти первых отростков. Если я принесла в Лунную Долину несчастье, то я принесла и герань.

— Продолжай, — мягко сказала Мария.

— Мой отец, отец сэра Бенджамина и твой дедушка были братьями, — сказала Эстелла. — Их было только трое, и у каждого было по одному ребенку: сэр Бенджамин, я сама и твой отец, — так что теперь Мерривезеры очень маленькая семья, только сэр Бенджамин, я и ты.

— Ничего, — решительно заявила Мария, — недостаток количества мы восполним качеством. Трех более милых людей в мире не найти. И как такие милые люди, как ты и сэр Бенджамин, могли поссориться, ума не приложу. Расскажи мне о ссоре, Малютка Мама. Из-за чего вы поссорились?

— Из-за гераней, — совсем тихо ответила Эстелла.

— Из-за гераней! — выдохнула Мария. — Но как можно ссориться так долго и так ужасно из-за каких-то гераней?

— Оглядываясь назад, я тоже не понимаю, — сказала Эстелла, — но тогда герани казались важнее всего на свете. Так происходят все ссоры, особенно у Мерривезеров. Они начинаются из сущего пустяка, такого, как розовые герани, а потом этот пустяк все растет и растет, пока не займет весь мир.

— Продолжай, — сказала Мария.

— Когда я приехала в Лунную Усадьбу, я была несчастной маленькой девочкой. Я любила своих родителей, а они умерли, я любила наш корнуолльский дом, а его не стало. Только розовые герани напоминали о родителях и доме. У меня не хватает слов объяснить тебе, Мария, как я обожала эти розовые герани. Меня, как только я приехала,

поселили в маленькой комнатке в башне, и я заполнила всю комнату геранями, а когда герани разрослись, расставила горшки вдоль всей лестницы. И тут-то и начались проблемы. Леди Летиция очень не любила двух вещей — гераней и розового цвета — особенно ярко-розового. В парке усадьбы не сажали герань, а в доме нельзя было найти ничего розового. Это она подбирала мебель для гостиной и вышивала обивку кресел, ты помнишь, розы там и красные, и желтые, но не розовые.

— Я знаю, — сказала Мария. — За что еще я люблю гостиную, так это за отсутствие розового, потому что я, как леди Летиция, тоже не люблю розовый цвет.

— Что? — воскликнула Эстелла. — Ты скажешь бок о бок со мной, Мария, и осмеливаешься заявлять, что не любишь розового?

Глаза разгневанной Эстеллы метали молнии, грозившие испепелить все вокруг. Казалось, ей было нанесено ужасное оскорбление, и Марии это показалось столь возмутительным, что ей тоже захотелось выйти из себя, за сверкать глазами и открыть рот для того, чтобы отпустить какое-нибудь насмешливое замечание. Но прежде чем она это сделала, послышалось низкое рычание Рольва и дружелюбное ржание Барвинка, и вместо того, чтобы произнести колкость, она просто рассмеялась.

— Не будем ссориться, — сказала она. — Ты любишь розовое, а я нет, согласимся, что в этом мы отличаемся.

Эстелла успокоилась и улыбнулась:

— Как раз этого мы с леди Летицией и не смогли сделать. Мы все время ссорились. Она не позволяла, чтобы поток герани переливался через порог моей комнаты и разливался по всему дому, не разрешала мне носить в волосах розовую ленту. Я ужасно от этого страдала, потому что считала, что, оскорбляя мои герани, оскорбляют память моих родителей. Я была очень несчастна. Думаю, я бы умерла, настолько была несчастна, если бы не моя гувернантка, старая Эльспет, ворчливая старуха, которая всегда брала мою сторону. И если бы не доброта сэра Бенджамина. Когда мне было десять, он был привлекательным молодым человеком двадцати пяти лет и, как я уже сказала, был добр ко мне; я его любила, хотя он разделял со своей матерью нелюбовь к розовым гераням. Но в отличие от нее, он не говорил о том, что ему не нравилось, он сдерживал себя и не упоминал об этом. Он всегда дарил мне что-нибудь, чтобы смягчить суровость своей матери. Он в молодые годы был умелым плотником, и это он сделал для меня всю ту мебель, которая сейчас стоит в твоей комнате. И научил меня играть в шахматы. Мы всегда вместе играли в шахматы. Я не могу тебе сказать, как я его любила. И он тоже любил меня. Хотя свою мать он любил больше.

— Ты, наверно, страшно ревновала его к матери, — сказала Мария.

— Да. Я была ужасной девочкой в то время, Мария, — ревнивой, гордой и страстной. Но и в гневе я оставалась холодной, в отличие от горячей леди Летиции, и это ее ужасно раздражало. Однако сэра Бенджамин любил меня и, когда я выросла, попросил выйти за него замуж, и я согласилась.

— А леди Летиция не возражала? — спросила Мария.

— Конечно, возражала. Но она все же была просто женщиной. Сэру Бенджамину в ту пору было под тридцать, и она понимала, что он имеет право жениться на мне, если захочет. Так что ей ничего не оставалось делать. Но она очень меня не любила и была так несчастна из-за нашей помолвки, что, я думаю, именно это и ослабило ее здоровье. Зимой она простудилась, и не успели мы оглянуться, как она умерла. У сэра Бенджамина было разбито сердце, так он обожал мать. Я старалась утешить его как могла, и он, казалось, любил меня еще больше, чем раньше. Мы условились пожениться весной, и он, я и старая Эльспет готовили дом к свадьбе так, чтобы все сияло и сверкало. Я трудилась над своей вышивкой. Я сшила сэру Бенджамину великолепный жилет, бледно-голубой с желтой и малиновой вышивкой, потому что это были солнечные цвета, которые он любил, и принялась за другой, к нашей свадьбе. Себе я готовила приданое и подвенечное платье. А потом, Мария, одним весенним вечером, прямо перед свадьбой, я сделала страшную глупость.

— Я догадываюсь, что это было, — сказала Мария. — В то время башня просто переполнилась розовыми геранями, и они стояли везде, куда ты могла втиснуть новый горшок, и однажды, когда сэр Бенджамин уехал кататься, ты стащила их вниз и наполнила ими дом.

— Именно это я и сделала, — сказала Эстелла. — Особенно много цветов я поставила в гостиной, потому что в тот вечер к ужину должен был прийти Старый Пастор, и я хотела, чтобы гостиная выглядела понарядней. Я надела платье из моего приданого — розовое. Я украсила стол розовыми цветами. Потом, позже, чем обычно, сэр Бенджамин вернулся с прогулки и увидел, что я сделала.

— И что он сказал? — поинтересовалась Мария.

— Он ничего не сказал, потому что здесь был Старый Пастор. Он играл роль любезного хозяина весь вечер, но я видела, что он страшно разгневан. Я думаю, что Старый Пастор это тоже заметил, потому что для того, чтобы как-то разрядить атмосферу, он попросил меня поиграть им после ужина, и я спела песню, написанную кем-то из Мерривезеров много веков тому назад. Сэр Бенджамин очень любил эту песню, потому что ее героиня напоминала ему обо мне.

«Да, — прошептала сама себе Мария, — я знаю эту песню».

— Но в этот вечер она ему не понравилась, и, когда Старый Пастор ушел домой, он высказал все, что думал

обо мне. Ты знаешь, у него мерривезеровский характер, несмотря на то, что он такой солнечный и замечательный, а когда он был молод, он вел себя как рыкающий лев. Он гневался и гремел в тот вечер, так что казалось, что его ярость снесет крышу дома. Он сказал, что я оскорбила память его святой матери и что лучше бы мне последовать за ней. Он наговорил много другого, что разозлило меня, так что я тоже сказала ему много обидных слов. Среди прочего я сказала, что его мать вовсе не была святой, что она была злой женщиной, если могла так сурово обращаться с маленькой девочкой за ее любовь к розовому. И что святые не ненавидят герани. Святые любят все цветы, сотворенные Богом, особенно ярко-розовые герани Корнуолла, потому что Бог сотворил их красивей всех прочих цветов. И тогда сэр Бенджамин похватал все горшки с геранью, до которых смог дотянуться, и повыбрасывал их через окно в розарий.

— А ты что сделала? — спросила Мария.

— Я поднялась в башню, сняла шелковое платье и надела дорожную одежду. Я написала коротенькую записку старой Эльспет, своей гувернантке, говоря в ней, что уезжаю, но что со мной все в порядке, пусть она не беспокоится, и подсунула под дверь спальни. А когда в доме стало совсем темно и все затихло, я взяла огромный мешок, выскользнула из дома и собрала все осколки разбитых горшков с остатками герани, которые смогла найти в тем-

ноте, наполнила ими мешок, прошла через парк, туннель и большие ворота и вышла на дорогу, ведущую прочь из долины. Я шла всю ночь и на заре очутилась в мире, которого совершенно не знала, и он показался мне чужой страной. Я почувствовала себя одинокой и покинутой, но не проявила слабости и не повернула назад. Я дошла по дороге до города, постучала в первую приглянувшуюся мне дверь и спросила, не нужна ли им служанка. Они сказали, что нужна. Сын хозяев, молодой адвокат, влюбился в меня с первого взгляда, и я вышла за него замуж так быстро, как только было возможно, потому что он был добр и понравился мне, а в своей гордыне и гневе я решила поставить преграду, которая не позволит сэру Бенджамину вернуть меня силой.

— А он попытался вернуть тебя назад? — спросила Мария.

— Да. И он, и Старый Пастор, и Эльспет не успокоились, пока не обнаружили моего пристанища, и сэр Бенджамин послал Старого Пастора сказать, что он прощает меня и забирает меня назад. Но сам он не приехал. Наверно, был слишком задет, и горд, и зол. И он не прислал извинений за то, что побросал в окно мои герани. И я еще больше разозлилась и послала со Старым Пастором записку, чтобы мне прислали мою одежду, и сказала, что выхожу замуж за моего адвоката, так скоро, как только можно, и буду жить в городе, и никогда не вернусь в долину.

— Но ты вернулась, — сказала Мария.

— Да, вернулась. Я слишком ее любила для того, чтобы оставаться вдали, я была деревенской девочкой и ненавидела город. Пока Эльспет была привратницей, я навещала ее, а когда она умерла, и муж мой тоже умер, я собрала все свои пожитки, включая розовые герани, и тайно поселилась здесь, как я тебе рассказывала. Как первая Лунная Принцесса.

— Да! — выдохнула Мария. — Она тоже здесь жила?

— Думаю, что да, — ответила Эстелла. — До того, как мы с Робинотом поселились в домике у ворот, никто не пользовался маленькой комнаткой-пещерой, где сейчас живет Робин. Она была завалена землей, камнями и всяким мусором, который напал в дыру, где сейчас окно. Робин и я вычистили весь мусор и нашли маленькую дверцу в холме с молоточком в виде лошадиной подковы, а еще мы нашли прямо подо всем мусором серебряное зеркало со скачущей лошадью, которое теперь висит в моей комнате. Кому еще это могло принадлежать, если не ей? Мне кажется, что она жила тут всю жизнь после того, как покинула усадьбу, а ее маленькая белая лошадка паслась на склонах Райского Холма.

— Наверно, это была она, — сказала Мария. — Эстелла, легенда рассказывает, что она взяла с собой жемчужное ожерелье. Вы его не находили?

— Нет. Я часто его искала, но так и не нашла. Огромное рубиновое кольцо, которое Лунная Принцесса подарила

сэру Рольву, сохранилось, и сэр Бенджамин его иногда носит, но жемчуга безнадежно пропали. Жалко, ты бы была хороша в них в день своей свадьбы.

— Подумать только, Эстелла, — сказала Мария, — ты жила в домике у ворот все эти годы и так и не попыталась помириться с сэром Бенджамином!

— А почему я? — холодно возразила Эстелла. — Он ведь не попытался помириться со мной.

— Он пытался! Он послал Старого Пастора в дом адвоката.

— Это не лучший способ мириться. Он так и не извинился за свою вспышку, и он не извинился за то, что выбросил в окно мои герани. И все другие герани, которые он не побросал в окно, уничтожил, потому что я никогда не слышала, чтобы в доме или в саду была хоть одна герань.

Мария ничего не ответила, но внезапно вспомнила таинственную комнату над туннелем между задним двором и огородом и розовые герани, которые видела в окне. Нужно при первой же возможности попасть туда и узнать, кому принадлежат эти розовые герани. Но теперь следовало заняться возвращением Райского Холма Богу, и они уже приближались к поломанным воротам, ведущим в деревню.

— Сейчас нет времени, Малютка Мама, чтобы обсуждать, какими, на мой взгляд, глупцами были вы с сэром Бенджамином, — сказала она сурово, — но мы поговорим

об этом позже. Наверно, придется оставить зверей в церковном дворе, когда пойдем внутрь?

— Нет, мы возьмем их с собой, — ответила Эстелла. — Старый Пастор не возражает против зверей в церкви. Он говорит, что собаки, кошки и лошади — самые замечательные дети Божьи, которые, как правило, ведут себя куда лучше, чем люди, и он не понимает, почему бы им не войти в дом Божий.

— Я тем более не понимаю, — кивнула Мария.

Они проскакали по деревенской улице, которая, казалось, еще спала в этот ранний час, только ручей, стекающий с Райского Холма, весело журчал под маленькими мостиками перед каждой калиткой, въехали в кладбищенские ворота и очутились в церковном дворе. У портала церкви Эстелла и Мария спешили и рука об руку вошли в церковь, а за ними парами следовали Рольв с Барвинком и Захария с Тишайкой. Шествие замыкал Виггинс, знаменем распутивший по ветру свой редкостный хвост.

3

Церковь была полна света, детей и музыки. Старый Пастор стоял на ступеньках хоров со скрипкой, зажатой под подбородком, наигрывая одну из самых красивых мелодий, которые только слышала Мария. Рассевшиеся вокруг него на ступеньках дети из Сильвердью яркими одеждами

напоминали цветочную клумбу; они пели громко и радостно, как птички на заре.

Старый Пастор не перестал играть, когда Малютка Эстелла, Мария, Рольв, Барвинок, Захария, Тишайка и Виггинс присоединились к поющим детям, но сказал:

— Занимайте места и как можно быстрее подхватывайте слова и мелодию новой песни.

Эстелла и Мария уселись на ступеньках с Виггинсом и Тишайкой на коленях, Рольв и Барвинок терпеливо и почтительно встали рядом, и все настроились на разучивание новой песни. Но Захария перемахнул через дверь, которая вела к скамье Мерривезеров, и уселся внутри в такой позе, будто был сразу всеми египетскими фараонами, воплотившимися в столь выдающуюся мурлыкающую личность.

Слова песни, написанной Старым Пастором для этого исторического момента, запомнить было легко, и скоро Эстелла и Мария пели ее так же бойко, как и дети.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

*Хвала Тебе за братца Солнце,
Как ярок и прекрасен он!
Хвала и за Луну-сестрицу,
Она — словно волшебный сон.
Хвала и за ночные звезды,
Что украшают Божий трон.*

*Хвала Тебе за дождь и ветер
И за росу и облака,
За радугу, что через небо
Встает, воздушна и легка.
За все, чего Своей любовью
Коснулась Божия рука.*

*Хвала Тебе за нашу землю,
Что так приветна и добра,
За все цветы, плоды и травы,
Что дарит каждая пора.
Хвала Тебе за хлеб насущный
И сон спокойный до утра.*

*Хвала за осень, зиму, лето
И за весну и дивный май,
За всех ягнят и всех младенцев,
За громкий гомон птичьих стай
И за беспечное веселье,
Что дарит сердцу вечный Рай.*

— Вот чем мы сейчас займемся, я думаю, — сказал Старый Пастор, когда его удовлетворило качество пения. — Мария, сходи, пожалуйста, в усыпальницу Мерривезеров и посмотри, сделал ли Робин то, что я ему поручил.

Мария сняла с колен Тишайку и поспешила в усыпальницу. Робин сидел, скрестив ноги, на полу, прислонившись спиной к гробнице сэра Рольва. Между коленями у него

был зажат огромный с крестообразной рукояткой меч сэра Рольва, и он яростно начищал его наждачной бумагой. Увидев Марию, он взглянул на нее и ухмыльнулся:

— Не могу заставить сталь сверкать, слишком старая. Но все же лучше, чем ничего. Старый Пастор сказал, что мы возьмем его с собой.

Мария от удовольствия улыbnулась так, что на щеках у нее показались ямочки. Что за отличная идея у Старого Пастора! Сам сэр Рольв не может пойти, чтобы вернуть украденную им собственность, так пусть пойдет его меч!

Робин встал, отряхнулся, спрятал наждачную бумагу рядом со щеткой и ведром в углу усыпальницы и вместе с Марией понес меч Старому Пастору. Когда они снова вернулись к лестнице на хоры, Старый Пастор уже отложил скрипку и убрал ее в футляр, Малютка Эстелла вынула статую Богородицы с Младенцем из ниши, а дети сдвинули колокол с его места у кафедры.

— Мы возьмем их с собой? — спросила Мария.

— Конечно, — ответил Старый Пастор, — это монастырская собственность, и мы вернем их туда, откуда они были взяты.

Детишки поменьше расплакались.

— У нас больше не будет нашей Госпожи, — причитали они.

— Чепуха, — сказал Старый Пастор. — Вы можете приносить Ей свои дары на Райский Холм ничуть не хуже,

чем сюда. С этого дня мы часто будем ходить туда славить Бога. А теперь пойдём. Мы все время будем двигаться процессией. Я пойду первым, а все остальные, звери и дети, следуйте за мной по двое и изо всех сил пойте ту песню хвалы, которой я вас научил. Вы можете по очереди нести Богородицу и колокол.

— Мы будем похожи на зверей, идущих в Ковчег, — сказала Мария.

— Ничего не может быть лучше, — ответил Старый Пастор. — Пойдемте. Робин, подай мне меч.

Робин подал ему огромный, с крестообразной рукояткой, меч, и, подняв его над головой как крест во время процессии, Старый Пастор направился по проходу между рядами и, запевая громким голосом, вышел на солнечный свет. Следом за ним, бок о бок, выступали Рольв и Барвинок, за ними Мария с Робинем, дальше Виггинс с Захарией, за ними Малютка Эстелла вела маленького Петеркина Перчика, а дальше шли Пруденсия Булочка и все остальные дети, несущие Богоматерь и колокол. Они громко распевали песню, которой их научил Старый Пастор.

К тому моменту, когда процессия достигла крутого подъема, солнце стояло уже высоко в небе и кругом было великолепнейшее весеннее утро. Они начали карабкаться, еще продолжая петь, хотя у них уже перехватывало горло. Дети собрали большие букеты папоротника, барвинка и примул. Птицы над ними тоже пели, заливаясь